ЛИКИ ВЕЛИКИХ

ЕЛЕНА МИЩЕНКО
АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ

LA DIVINA — БОЖЕСТВЕННАЯ

МАРИЯ КАЛЛАС

ЖЗЛ
ПИСАТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ "АЛЬДЕБАРАН"

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Серия «Лики великих» – это сложные и увлекательные биографии крупных деятелей искусства – эмигрантов и выходцев из эмигрантских семей. Это рассказ о людях, которые, несмотря на трудности эмигрантской жизни, достигли вершин в своей творческой деятельности и вписали свои имена в историю мирового искусства. Мария Каллас (1923-1977) – греческая и американская певица, одна из величайших оперных певиц XX века. Она была универсальной певицей с самым широким репертуаром множества классических опер. Критики говорили, что у нее «четыре голоса в одном горле». Каждый спектакль с участием Марии Каллас превращался в настоящую сенсацию. Трагическая личная жизнь привела к потере голоса, разрыву с «Метрополитен Опера» и вынужденному уходу из «Ла Скала». Но записи опер с Марией Каллас навсегда сохранили за ней титул – «Божественная». Иллюстрации Александра Штейнберга.

- Елена Мищенко
  -
  - РОЖДЕНИЕ ПЕВИЦЫ
  - НЬЮ-ЙОРК. ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ
  - ИТАЛЬЯНСКИЙ ДЕБЮТ
  - «ТРАВИАТА» – МАРИЯ КАЛЛАС
  - ТЯЖКОЕ БРЕМЯ СЛАВЫ
  - ЕЩЕ ОДИН ГРЕК
  - РОКОВОЙ КРУИЗ
  - МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ
  - МАРИЯ – NORMA
  - ДЖЕКИ «О»
  - МЕСТЬ БОГОВ
  - PRIMA DONNA ASSOLUTA FOREVER
  - Другие книги серии «Лики великих»
  - Об авторах

Елена Мищенко
Александр Штейнберг

LA DIVINA – БОЖЕСТВЕННАЯ
Мария Каллас (Maria Callas)

…ибо много званных, но мало избранных

Евангелие от Матфея, гл. 22

«…Не было ничего прекраснее минуты, когда я начинала петь. Это захлестывало меня больше, чем волны Эгейского моря. Как объяснить, что такое театр, сцена, что такое сводить с ума двадцать пять тысяч зрителей за один вечер. Они слушали мою «Медею», понимая, что я пою о себе. Мне порой казалось, что моя жизнь повторяет судьбы моих героинь. Медея – это роль, написанная как будто специально для меня.

Ведь Медея пожертвовала всем, включая отца, брата и детей, ради залога вечной любви Ясона и завоевания Золотого руна. Но она была предана Ясоном. Я чувствовала Медею, она стала моим вторым «я» – горячая, отчаявшаяся, но внешне спокойная. Счастливое время с Ясоном прошло. Она была раздираема страданиями и *страстями»,* – так говорила Мария Каллас, с горечью отмечая, что, по иронии судьбы, ее собственная жизнь стремилась превзойти трагизм ролей, которые она играла в театре.

Так же, как жертвенная и самозабвенная в своей любви Медея была предана Ясоном, Каллас была предана человеком, который был для нее греческим богом – судостроительным магнатом Аристотелем Онассисом. В жертву ему она принесла свою карьеру, мужа, ребенка, свой потрясающий вокальный дар – все, что у нее было в жизни. Великая певица, абсолютная Примадонна, Каллас жила в параллельном мире. Ее реальная жизнь была воспроизведением сценических событий.

…Огромный греческий амфитеатр, вместивший двадцать пять тысяч человек, был переполнен. Люди сидели на земле между древними руинами некогда прекрасного театра Epidaurus.

Замерев, они слушали потрясающе глубокий голос Марии Каллас. Одетая в древнегреческие одежды, она казалась ожившей героиней мифа о Золотом руне.

Мария знала, чувствовала, что уже никогда не сможет так спеть, как в тот вечер в древнегреческом театре, посреди вековых руин, под яркими звездами темно-синего неба, когда и седые камни, сохранившие дневное тепло солнца, и морской воздух, и оливковые рощи – все служило естественной декорацией к потрясающему действу. В финальной сцене оперы в ночное небо взметнулось несколько белых голубей – это был знак восторга и поклонения перед Великой Певицей.

Могучим эхом раздавались в огромном амфитеатре овации, ее долго не отпускали со сцены, и когда она, обессиленная, шла к выходу, толпа ценителей ее таланта сомкнулась вокруг нее. Мария не могла ступить и шагу. Тогда кто-то из толпы выкрикнул: «Дорогу, дайте дорогу греческой богине оперы!» Проход моментально очистился, люди кричали: «Viva, Maria, viva!»

Мария Каллас при жизни была любима, обожествляема, ненавидима, почитаема и презираема, ей довелось испить полную чашу унижения и горя. Но никогда ее профессиональное мастерство не оставляло никого равнодушным. Она осталась в истории оперы незабываемой и неоспоримой PRIMA DONNA ASSOLUTA FOR EVER.

* * *

Анна Сесилия София Мария Калогеропулос прибыла в Америку весьма необычным путем – в утробе матери. В отличие от других греческих иммигрантов ее небольшая семья путешествовала с полным комфортом. Каюта первого класса была шикарной, Георгес Калогеропулос позаботился о том, чтобы его жена Евангелия, которую все звали Лиза, и шестилетняя дочка Джеки не испытывали никаких трудностей. Лиза взяла с собой многочисленные наряды, роскошное меховое манто, столовое серебро и даже старинные подсвечники – она любила путешествовать с комфортом.

Старшая дочь Джеки родилась в Греции в 1917 году, а мальчик по имени Вассилиос родился на три года позже. Базиль был любимцем матери, но заболел тифозной лихорадкой в возрасте трех лет и скоропостижно скончался. Эта трагедия потрясла семейство, особенно Евангелию.

Георгес, амбициозный предприниматель, ловец удачи, решил

резко изменить жизнь семьи, он продал процветающий бизнес – аптеку, и сообщил своей жене, что они уезжают туда, где их ждет иная, прекрасная жизнь – в Америку. Нужно заметить, что сообщил он это Лизе буквально за три дня до отъезда, так как знал, что она не хочет уезжать из Греции. Лиза ожидала ребенка, тяжело переносила беременность, поэтому Георгес не хотел ее беспокоить.

Девочка, которой при рождении было дано имя Мария, родилась 2 декабря 1923 года, спустя четыре месяца по прибытии семьи Калогеропулос в Америку. Лиза страстно хотела, чтобы родился мальчик, и была настолько огорчена рождением девочки, что отказывалась даже посмотреть на нее или прикоснуться к новорожденной в течение первых четырех дней. Лишь спустя три года девочку крестили в греческой ортодоксальной церкви, ей было дано имя Анна Сесилия София Мария. В свидетельстве о рождении значилась иная, более короткая чем Калогеропулос, фамилия – Каллас.

Мария, как звали ее близкие, росла одиноким ребенком, она была предоставлена самой себе, когда Джеки была в школе, а мать находилась во власти меланхолии и депрессии. Лиза была всем недовольна: переездом в Америку, рождением дочки. В семье часто возникали ссоры. Девочки рано поняли, что мать с отцом не ладят и не любят друг друга. Поначалу Джордж – он изменил свое имя на американский манер – открыл роскошную аптеку в Манхэттене в 1927 году, но во время Великой Депрессии разорился.

Семья часто меняла место жительства, каждый раз снимая все более скромные квартиры. Георгис работал по шестнадцать часов в сутки, чтобы семья могла свести концы с концами. Лиза мечтала вернуться в Грецию, в Америке она чувствовала себя неуютно. Она любила музыку, хотела стать актрисой. В Афинах у Лизы был рояль, она немножко играла, любила слушать классическую музыку по радио. Пианола, которую купил Георгис в какой-то степени восполнила отсутствие музыки в доме. Лиза любила оперу и часто слушала записи арий из опер Верди, Беллини. При звуках музыки Мария оставляла все и сидела не шелохнувшись, внимательно слушая оперы. О чем она грезила, что виделось ей в туманном будущем?

Их небольшая квартира превратилась в поле битвы, где отец и мать каждый сражался за свои права. Единственным другом Марии была старшая сестра, которая читала ей книги, рассказывала различные истории, общалась с ней. Мария буквально стала ее тенью. Как-то, когда ей было шесть лет, она провожала Джеки в школу и, подходя к школьному автобусу, не

заметила идущую машину – она была близорука. Ее сбил автомобиль на улице Манхэттена. Мария была в коме в течение двенадцати дней, после чего лежала в больнице еше двадцать два дня. Никто не ожидал, что она выживет.

Эта ранняя травма, казалось, вдохнула в нее страстную решимость преодолевать все будущие препятствия в жизни и способность к сверхдостижениям во всем, что бы она ни пыталась сделать.

Музыка стала ее страстью с ранних лет. Уже в трехлетнем возрасте Мария внимательно слушала записи классических произведений, а в семь лет начала петь, повторяя знакомые оперные арии. У нее был красивый голос, феноменальный музыкальный слух и память. Она выступала на всех школьных праздниках и вскоре стала звездой концертов. Когда ей было десять лет, она знала наизусть оперу «Кармен». На первом этаже дома, где они снимали квартиру, жила некая синьора Сантрина. Она давала Джеки уроки фортепиано всего за пятьдесят центов, и Лиза уговорила ее за дополнительные двадцать пять центов взять в ученицы и Марию. Девочка делала огромные успехи, и Лиза подумала, что именно она, нежеланная дочь, сможет воплотить ее мечты в жизнь, стать знаменитой. Во время Депрессии у американцев проявился огромный интерес к чудо-детям, маленькой королевой киноэкрана была прелестная Ширли Темпл с ее локонами, умением петь, танцевать. Она зарабатывала огромные деньги, к ней и ее родителям пришла настоящая слава.

«Почему бы и Марии не стать знаменитостью?» – подумала Лиза, решив компенсировать собственные неудачи с помощью талантливой дочери. Они ходили в библиотеку на 42-й улице, где в музыкальном отделе слушали записи опер, итальянских песен. Вернувшись домой, Мария сразу же повторяла услышанное. «Только когда я пела, я чувствовала, что меня любят», – вспоминала она. Когда Мария смотрела на себя в зеркало, она понимала, почему мать больше любит красивую и стройную старшую сестру. Сама она была толстым неуклюжим ребенком, носила очки в уродливой оправе, но в душе этого гадкого утенка жил прекрасный Лебедь, который лишь ждал своего часа.

Когда Марии исполнилось одиннадцать лет, она с сестрой и матерью была в нью-йоркской Метрополитенопера, они слушали знаменитую певицу Лили Понс. «Когда-нибудь я сама стану звездой, большей звездой чем она», – сказал Мария убежденно, и мать задумчиво посмотрела на нее. Она восприняла слова дочери весьма серьезно. Все свободное от школы время было у Марии наполнено упражнениями в вокале, фортепиано. Девочка не знала, что такое игры со сверстниками, мать настаивала на

постоянном совершенствовании.

Формальное образование закончилось для Марии в тринадцатилетнем возрасте. К этому времени обстановка в семье накалилась до такой степени, что Лиза, схватив двух дочерей-подростков в охапку, заняв денег, где было возможно, отправилась с ними в Грецию. Только там, решила она, можно дать девочкам музыкальное образование, воплотить в реальность свои мечты, приблизить светлое будущее.

РОЖДЕНИЕ ПЕВИЦЫ

Пароход под звучным именем Saturnia плавал под итальянским флагом. Бравый капитан, как и полагается итальянцу, был страстным любителем оперы. Даже во время плохой погоды он старался развлекать пассажиров своим пением. Лиза считала, что ей с девочками повезло, она сможет уже здесь, на корабле, завязать нужные знакомства. И вот после сильной качки, когда наступила ясная погода и море успокоилось, Лиза во всеоружии вышла из каюты. Она надела лучшее платье, украшенное фестонами и оборками, на голове у нее была изящная шляпка, которую она освежила, приколов несколько незабудок, и отправилась в салон, где собирались пассажиры судна. Она сказала нескольким дамам о том, что ее дочка – музыкальный чудо-ребенок, что ее голос потрясает всех, что у нее было много концертных предложений в Америке, но она хочет усовершенствовать ее умение петь.

Слух о чудо-ребенке моментально разнесся по кораблю, и капитан пригласил Лизу с дочерьми на party, которое капитан по традиции устраивал для пассажиров.

Это был первый большой успех тринадцатилетней Марии. Она пела «Хабанеру» из оперы Бизе «Кармен». Джеки ей аккомпанировала, капитан и Лиза сидели в первом ряду. Когда Мария закончила петь, она, повинуясь импульсу, выхватила одну красную розу из букета, стоявшего на столике, и воткнула себе в волосы. Наградой были горячие аплодисменты. Капитан от имени всех поблагодарил юную певицу, вручил ей букет алых роз и красивую большую куклу с фарфоровым личиком, одетую в итальянский народный костюм. Мария была счастлива – это была первая в ее жизни кукла, она стала ее талисманом.

– Смотрите, какое голубое небо, такое небо бывает только в Греции, вдохните этот чистый воздух, – не уставала повторять Лиза, когда они сошли на берег и погрузились с многочисленными вещами в извозчичью пролетку.

Повозка мерно покачивалась, лошади цокали копытами по булыжной мостовой, вокруг ходили бедно одетые люди, а Лиза без устали говорила о красотах Греции и о том, насколько здесь лучше, чем в Нью-Йорке.

– Вот увидите, – не умолкала она, – как здесь прекрасно, как богато живут люди. Нам в Греции будет намного лучше, чем в Америке.

Однако действительность оказалась намного прозаичнее – дом матери Лизы был тесным и старым, многочисленные

греческие родственники ожидали, что Лиза привезет богатые подарки. Ведь они жили в Америке, а там, говорят, даже мостовые вымощены золотом.

Лизу с двумя дочерьми поселили в одной комнате. Девочки никак не могли привыкнуть к новой стране, не знали языка, скучали за отцом и Нью-Йорком, в котором выросли. Здесь все было чужим – еда, запахи, обычаи. Но Лиза была в восторге – она вернулась к себе домой. У нее была одна цель – определить Марию в National Conservatory. «Она должна учиться петь, это ее будущее, она принесет славу и богатство нашей семье», – с этой мыслью Лиза засыпала и встречала новый день. Впоследствии Мария говорила, что мать лишила ее детства. «Как только мать осознала мое вокальное дарование, она тут же попыталась сделать из меня чудоребенка. Я не знала, что такое расслабиться, целыми днями я упражнялась в пении, меня лишили какого бы то ни было светлого воспоминания об отрочестве».

Мать Марии использовала все семейные связи, чтобы попытаться устроить Марию в Национальную консерваторию. По традиции туда принимали лишь с шестнадцати лет, и Марии пришлось солгать и добавить недостающие два года. Она была рослой девушкой, и обман прошел незамеченным.

Выдержав блестяще вступительный экзамен, Мария начала учиться в престижной Национальной консерватории под руководством известной испанской оперной дивы Эльвиры де Идальго. Позднее Каллас скажет: «Всем моим мастерством, вокальной и музыкальной подготовкой, моим художественным воспитанием как актрисы и человека я обязана Эльвире де Идальго».

Эффектная, темноволосая, с горящими глазами, великолепная певица, звезда Метрополитен-опера, Ковент Гардена и Ля Скала, де Идальго стала кумиром Марии Каллас. Мария старалась проводить каждый свободный час со своим педагогом. Она выполняла ее мелкие поручения, даже помогала в уборке квартиры.

Мария нуждалась в ее обществе, и знаменитая певица это поняла, приняв Марию в свою семью. Она открывала ей тайны вокального мастерства, заботилась о ее внешнем виде, подобрала ей соответствующую диету. Они оставались друзьями до конца дней. Эльвира Идальго впоследствии скажет о своей знаменитой ученице: «Она была свечой, которая горела с обоих концов».

Дебют Марии на сцене Афинской оперы в одноактной опере Suor Angelica был триумфальным. Все начиналось прекрасно, с ней был подписан контракт на несколько выступлений. Однако никто из жителей Афин не подозревал тогда, что вскоре их жизнь

полностью изменится. Тучи сгущались над Европой – шел июнь 1940 года.

Война для Греции, как и для всей Европы, была страшным бедствием. Семья Каллас не была исключением. «Мы страшно нуждались, иногда по нескольку дней не видели хлеба, – вспоминает сестра Марии Джеки. – Мария потом в течение всей жизни не могла позволить себе выбросить еду, – сказывались воспоминания военного времени». Она продолжала занятия в консерватории и в 1941 году в возрасте восемнадцати лет спела свою первую большую оперную партию в «Тоске», получив за нее казавшуюся тогда баснословной сумму в шестьдесят пять долларов.

Ее отношения с матерью становились все более сложными. Лиза, агрессивная и амбициозная, требовала от Марии все большего, упрекая ее в бездействии. Точно так же она вела себя и по отношению к своему мужу, что и послужило причиной их развода. Мария мечтала уехать по окончании войны в Америку. Она любила отца, надеялась на его ответное чувство – ведь должен же быть хоть кто-нибудь, кого можно любить, кому можно верить.

…Прошло восемь лет с того дня, как Лиза убежала с дочерьми в Грецию. Там прошла юность Марии, но она родилась и жила первые тринадцать лет в Америке, и воспоминания безмятежного детства не покидали ее.

Она не забыла долгие прогулки с отцом по улицам Манхеттена, помнила, как они заходили в кондитерские, ели вкусное мороженое из вафельных стаканчиков. Мария вспоминала небоскребы Нью-Йорка, нарядную толпу, элегантных женщин, множество автомобилей. Огни большого города манили ее, а еще – и при этих словах сердце сладко томилось – там, в Нью-Йорке она бы могла петь в Метрополитен-опера. Возможно ли большее счастье?

…Случайно оказалось, что на корабле SS Stockholm, который следовал в Нью-Йорк, было одно свободное место, кто-то сдал билет в последнюю минуту. Мария не раздумывала. Она поспешно бросала свои старые платья в небольшой чемодан. Мать, по своему обыкновению, кричала на нее, обвиняя во всех грехах. Пароход отбывал на следующий день, медлить было нельзя – сама судьба предоставила ей этот случай. Через несколько месяцев Марии исполнится двадцать один год. Восемь лет она не видела отца, за восемь лет не получила от него ни одной строчки. Но все равно, верила Мария, он помнит ее, любит, и они обязательно встретятся!

Всего десять дней отделяли Марию от желанного дня

встречи, она заботливо спрятала кошелек, в котором было сто долларов – все ее состояние. Прощай, Мария Калогеропулос, отныне она – Мария Каллас, так как записано в ее американском паспорте.

НЬЮ-ЙОРК. ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Огромный корабль на рассвете медленно входил в нью-йоркскую гавань. Пассажиры, измученные долгим путешествием, сгрудились на палубах. Силуэт статуи Свободы вырисовывался сквозь густой туман. Люди радостными возгласами приветствовали прибытие в Америку. Они размахивали платками, шляпами, обнимались – радость охватила всех, кто так долго стремился сюда, к берегам Свободы. Мария была среди них. Слезы радости выступили у нее на глазах. Она была уверена, что ее никто не встретит – ведь она никому не сообщила о своем приезде, да и кому она могла бы передать эту весточку?

Мария взяла свой небольшой чемодан, в котором вперемежку со старыми платьями лежали ноты ее оперных партий, и пошла к выходу. Вдруг она услышала громкий возглас «Мария!» и увидела щеголеватого мужчину с аккуратно подстриженными усиками в элегантном легком пальто. Он протиснулся сквозь толпу, схватил ее чемодан и свободной рукой обнял ее за плечи. «Мария, Мария», – повторял он, не скрывая слез. Мария смотрела в его глаза и не могла поверить – восемь лет они не видели друг друга, время посеребрило его волосы, но он оставался все таким же молодцеватым, подтянутым. Джордж Каллас помнил Марию тринадцатилетним неуклюжим подростком, а сейчас перед ним была очень полная молодая женщина, в платье, которое ее отнюдь не украшало. Но все равно, он узнал ее, свою Марию, ее энергичную походку и эти горящие глаза.

Безусловно, так было угодно Судьбе. Ведь Джордж не знал о том, что Мария собирается приезжать в Америку. Он случайно прочел газетную заметку о том, что шведская пароходная линия предоставляет услуги американцам, которые собираются вернуться на родину. Подталкиваемый инстинктом, Джордж позвонил в компанию и попросил прочитать список пассажиров. И вот чудо из чудес, ему сказали имя: Мария Каллас.

Все это быстро, несколько скомканно Джордж объяснил Марии, пока они ожидали такси. Они сейчас поедут к нему домой, Мария ведь не возражает жить в его квартире, не так ли? Она быстро и радостно согласилась. Еще бы, ведь она опять была в Нью-Йорке, встретилась с отцом. Мария рассказала о своих успехах, показала газетные статьи, словом, все складывалось как нельзя лучше. Первая неделя прошла безмятежно, а потом Мария обнаружила, что в жизни отца произошли серьезные изменения. В его квартире появилась молодая женщина по имени Александра. Мария знала ее с детства, она была дочерью их соседей.

Александра вела хозяйство Джорджа, закупала продукты, убирала в квартире, готовила еду. Она жила этажом выше. После совместного обеда с Марией отец поднимался к Александре и прямо оттуда шел на работу. Сначала Мария отнеслась к появлению соседки довольно спокойно: ведь, в конце концов, отцу только пятьдесят, он фактически одинок. Александра – милая скромная женщина, которая, по всей видимости, любит Джорджа. Но так говорил разум, а неукротимое сердце Марии, ее чувство собственности не позволяло примириться с присутствием другой женщины в жизни ее отца. Она искала повод для ссор и, в конце концов, поставила вопрос ребром: отец должен выбирать между нею и любовницей. Джордж отказался решать вопрос таким образом, и Марии пришлось смириться. Она старалась проводить дома как можно меньше времени, гуляла по улицам Нью-Йорка, останавливаясь возле небольших кафе с удовольствием поглощая американскую еду: хот-доги, всевозможные бургеры, блинчики со сладким кленовым сиропом, и, конечно, любимое ванильное мороженое – ведь она так долго была лишена этого.

Мария прибавляла в весе, и вскоре все ее платья, которые она привезла в Америку, стали тесными. Ее певческая карьера тоже не складывалась. Прослушивания, на которые она приходила, не приносили желаемого результата, сказывалось отсутствие тренинга.

Ее полнота, некрасивая тесная одежда, неумелый, слишком яркий макияж – все это производило неприятное впечатление на избалованных продюсеров Метрополитен-опера, которые привыкли иметь дело с прославленными певцами и совершенно не были заинтересованы в том, чтобы пестовать молодые дарования. «Я вам советую сначала завоевать Италию, а потом приехать к нам», – сказал один из дирижеров Метрополитен-опера. «Если я завоюю Италию, я к вам уже не вернусь», гордо произнесла Мария и вышла из комнаты строевым шагом.

Ее жизнь явно не заладилась. Мать писала грозные письма, в которых ругала Марию, обвиняя ее в том, что она ее бросила. Лиза требовала денег, жаловалась на одиночество. Мария, не спросив отца, приняла решение вызвать мать в Америку. Она пошла к крестному, доброму и отзывчивому человеку, и попросила денег на билет, сказав, что оба – Лиза и Джордж хотят попытаться опять быть вместе.

Внезапный приезд Лизы означал полный крах отношений Джорджа и Александры… Влюбленные были безутешны, ведь Лиза возвращалась на правах супруги. «Зачем, зачем ты это сделала, – в который раз Джордж спрашивал свою дочь, – зачем

ты лишила меня счастья, надежды, ты ведь знаешь, что мы с Лизой никогда не сможем жить вместе». Мария твердо стояла на своем: она была уверена, что родители должны соединиться. Возможно, в ней говорила зависть, ревность, нетерпимость к счастью других людей. Так или иначе, ей удалось уговорить отца. Скрепя сердце, он согласился еще раз попытаться восстановить разрушенное.

Роскошный океанский лайнер Quinn Elizabeth прибыл в нью-йоркскую гавань рождественским вечером 1946 года. Среди пассажиров была Лиза Калогеропулос, ее встречали дочь и муж. С первых минут стало очевидным, что возобновление даже дружеских отношений невозможно. Слишком далекими они стали друг другу, слишком много обид и претензий накопилось у Лизы. Джордж тосковал по своей возлюбленной, по разрушенной тихой идиллии их отношений.

Первый же день пребывания Лизы в их некогда общей квартире стал сущим адом для троих участников драмы. Лиза обнаружила вещественные доказательства связи ее мужа с Александрой. Дело дошло до рукоприкладства, Лиза кричала оскорбления в адрес обоих. Найдя в гардеробе вещи Александры, она, распахнув окно, выбросила их на улицу, открыв двери, призывала соседей в свидетели. Потом она забаррикадировалась в спальне и запретила Джорджу даже подходить к дверям комнаты. Она грозила покончить жизнь самоубийством, если Александра, которая жила этажом выше, не покинет этот дом.

Что было делать? Боясь, что Лиза и вправду может покончить с собой, бедная женщина переехала к своей матери, которая жила в соседнем районе.

Жизнь превратилась в ад. Ютясь в небольшой квартире, мать и Мария делили одну комнату, Джордж спал в другой. Мария проклинала себя за содеянное, стараясь как можно меньше находиться дома. И вот в самый тяжелый момент, когда мать устраивала бесконечные скандалы, требуя, чтобы Мария пошла работать продавщицей в любой магазин, судьба вновь дала Марии еще один шанс.

Знаменитый итальянский тенор Джованни Дзенателло, основатель и директор фестиваля оперного искусства Arena di Verona, искал молодую певицу-сопрано для исполнения заглавной роли в опере Понкиелли La Gioconda. Ему посоветовали прослушать молодую певицу Марию Каллас, которая, как говорят, обладает изумительным по глубине голосом. Дзенателло буквально с первых звуков понял: он нашел ту, которую искал несколько лет, свою певицу, яркую, драматичную, которая сможет покорить огромную аудиторию

Arena di Verona.

Мария сразу же согласилась на предложение маэстро поехать в Италию – она была счастлива вырваться из тесного мирка маленькой нью-йоркской квартиры, где Лиза устраивала ежедневные скандалы.

И опять длительное путешествие пароходом. В тот раз это был пароход SS Rossia, принадлежавший российской пароходной компании. «Я купила самый дешевый билет, вокруг была грязь, условия были ужасные, но я знала – меня ждет опера, сцена, музыка», – говорила впоследствии Мария Каллас, и она не ошиблась – все было именно так и даже еще лучше…

ИТАЛЬЯНСКИЙ ДЕБЮТ

Джиованни Батиста Менегини унаследовал от отца большую компанию по производству строительных материалов. Дела шли успешно, Батиста был богатым человеком, его состояние исчислялось несколькими миллионами долларов. Но бизнес бизнесом, а настоящим увлечением невысокого, немолодого, лысеющего Менегини была опера. Что ж, он был итальянцем, а какой итальянец не любит оперу? Он прекрасно разбирался в голосах, знал на память множество оперных арий, и неудивительно, что он был одним из первых посетителей оперного фестиваля в Вероне.

В свои 54 года Менегини еще ни разу не был женат, чувствовал себя неловко с женщинами. Ему казалось, что он, с его внешностью, вообще не создан для семейной жизни. Свободное от управления обширным бизнесом время Менегини посвящал изучению истории родной Вероны и соседней с ней Венеции. Батиста не говорил по-английски, но получил хорошее образование в Италии и был весьма доволен жизнью.

Марию Каллас он услышал во время репетиции оперы La Giokonda. Она поразила его звучанием голоса, силой драматизма, он запомнил ее имя, ее облик. Верона – небольшой город, они с Марией были представлены друг другу, и Батиста предложил показать Марии город.

Им было легко общаться друг с другом. Они ходили по узким улочкам Вероны – городу, который обессмертил Шекспир в своей драме «Ромео и Джульетта». Менегини показывал ей балкон, на который выходила юная Джульетта, палаццо, в которых жили Монтекки и Капулетти. Находясь рядом с Батистой, Мария не смущалась своей полноты. Они оба с удовольствием поглощали вкусную пиццу, маленькие фруктовые пирожные. Их объединяла страстная любовь к опере. Пожалуй, впервые в жизни Мария была счастлива – ею откровенно восхищались, говорили комплименты.

Приближалась премьера четырехактной оперы La Giokonda, которая должна была состояться на знаменитой Arena di Verona. Когда Мария впервые увидела этот гигантский амфитеатр, она была потрясена. Батиста рассказывал ей, что именно здесь, на сцене античного театра, состоялась премьера оперы Верди «Аида», это было величественное зрелище. Мария опасалась, что ее голос будет недостаточно сильным, чтобы заполнить гигантское пространство театра на 25 тысяч мест. Батиста предложил оплатить уроки вокального мастерства у лучшего педагога Вероны, знаменитого маэстро Кузинати. Премьера оперы

была назначена на 3 августа, до этого события оставалось еще четыре недели – время, достаточное для подготовки.

«Мне невероятно повезло, потому что я начала свою жизнь в опере со знакомства с выдающимся мастером – дирижером Туллио Серафином. Он научил меня, как держаться на сцене, открыл секреты вокального мастерства. Маэстро Серафин говорил: помни, Мария, голос – первый инструмент в оркестре. Прима донна означает «первая женщина», она – главная на сцене, в оркестре», – вспоминала Каллас.

Все свободное от репетиций время она проводила с Менегини. Его поддержка так много значила для нее. Последняя репетиция в костюмах и декорациях была назначена на первое августа, за два дня до премьеры. Мария была близорука, она много времени проводила на огромной сцене, знала почти наощупь каждый ее сантиметр. В театр она прибыла еще до заката солнца, когда осветители проверяли оборудование, и никого из музыкантов или певцов не было на сцене.

Мария нервничала, еще и еще раз проверяла, помнит ли она расположение декораций – ведь на сцене будет темно, лишь сильные прожекторы будут освещать огромный амфитеатр. Менегини обещал присутствовать на генеральной репетиции, но Мария уже не думала о нем – для нее существовала лишь сцена.

Когда поднялся занавес и отзвучала увертюра, все страхи и треволнения улетучились, Мария перевоплотилась в Джиоконду, переживала драму ее жизни. Первый акт прошел блестяще, она сразу задала тон всему происходящему на сцене, подчинила себе оркестр, других исполнителей. Маэстро Серафин поздравил ее, сказав, что все идет прекрасно. Во втором акте декорации представляли собой каменистый обрыв неподалеку от воды. Мария помнила каждый сантиметр, она многократно проходила эту сцену, но в тот раз она оступилась и упала, подвернув ногу.

Серафин держал прежний темп в оркестре и, к его удивлению, Мария так провела эту сцену, как будто падение было задумано изначально. Ни одна нота в ее голосе во время сложнейшей вокальной партии не дрогнула, она блестяще провела и второй акт. Но в третьем акте нога начала стремительно опухать, боль становилась нестерпимой, вызвали врача, предлагали опустить занавес. Она категорически отказалась. Казалось, что боль придает ее голосу новое драматичное, почти контральтовое звучание. Каллас блестяще провела третий и четвертый акты, но в финальной сцене силы оставили ее. Согласно драматургии, она вонзает в себя кинжал и опускается на пол, Мария была уже не в силах подняться. После окончания генеральной репетиции ее отнесли в артистическую.

Там ее дожидался взволнованный Батиста. Он привез ее в гостиницу, не отходил от нее всю ночь, меняя холодные компрессы. Премьера прошла блестяще, никто не подозревал о случившемся.

Маэстро Серафин так отзывался об итальянском дебюте Марии Каллас: «Я был потрясен тем, что молодая певица – ей было всего двадцать три года, когда я впервые ее услышал, не итальянка, никогда ранее не бывшая в Италии, так глубоко и драматично воспринимала и воспроизводила итальянскую музыку, как будто это ей передалось генетически».

Успех был оглушительным, критики были в восторге от молодой певицы. Мария оказалась на перепутьи: что же дальше? Уезжать в Нью-Йорк, в маленькую тесную квартирку с вечными скандалами? Нет, она не хочет возвращаться в свою прежнюю жизнь. Но у нее не было никаких видов на будущее, не было достаточно денег на жизнь.

И Менегини принял за нее все решения. Он сказал, что Мария останется в Италии, он позаботится о ее будущем, о контрактах, будет представлять ее интересы. Согласна ли она? Нужно ли говорить о том, как счастлива была Мария. Батиста полностью обновил ее гардероб, они вместе обедали каждый вечер, обсуждали планы на будущее. Он стал ее ментором, отцом, любовником, заменив всех мужчин в ее жизни. Ее не смущала более чем двадцатилетняя разница в возрасте, она была даже рада этому. Мария была влюблена, она писала восторженные письма домой, сестре Джеки и матери.

Однако происходящее не получило никакой поддержки со стороны семьи Менегини. Его мать и ближайшие родственники были против его романа с «этой гречанкой». Батиста еще не сделал официального предложения Марии, он все еще пребывал в нерешительности, не в силах окончательно порвать с родственниками. Его братья говорили, что в случае женитьбы на Каллас, он потеряет большую часть бизнеса. Однако это его не устрашило, и 21 апреля 1949 года Мария Каллас стала синьорой Каллас-Менегини. Она была счастлива. Наконец-то она обрела все, что ранее казалось недостижимым: любящего мужа, оперную сцену. Счастье не омрачала даже враждебность семьи Батисты по отношению к ней. Новые родственники не давали ей забыть, что ее, дочь бедных греков, приняли в достойную семью итальянских бизнесменов. Ее талант, восторги музыкальных критиков были для них пустым звуком. Батиста, находясь в весьма щекотливом и сложном положении, постоянно извинялся за грубость и бестактность своих родственников.

Менегини-бизнесмен понимал, что голос его супруги можно

продать очень дорого. Он приложил все усилия для того, чтобы добиться для Марии хорошо оплачиваемого гастрольного тура по Южной Америке, который начинался буквально на следующий день после скромного свадебного ужина.

И вот Мария Каллас-Менегини, свежеиспеченная супруга Батиста Менегини, отправляется в далекий Буэнос-Айрес, где ей предстоит петь сложнейшие главные партии опер: «Аида», «Турандот», «Норма».

Согласно контракту оркестром Teatro Colon в Буэнос-Айресе должен был дирижировать маэстро Серафин. Они сразу же приступили к длительным и тщательным репетициям. Несмотря на занятость и поглощенность работой, Мария скучала без Батисты, она уже привыкла к его заботливому присутствию. Она писала ему страстные письма, в которых изливала свою одинокую мятущуюся душу. «Спасибо, что ты женился на мне. Нет на свете более счастливой женщины. Ты – мужчина, о котором я мечтала. Моя цель – сделать тебя самым счастливым и гордым мужем».

Гастроли прошли блестяще, в Рим она возвращалась самолетом с семьей маэстро Серафин, ей не терпелось поскорее увидеть мужа, «своего Батисту».

Менегини тоже не терял времни даром. Он встретил молодую супругу в аэропорту. Решив ее поразить, он приехал в новом спортивном авто. Насладившись произведенным эффектом, Батиста повез Марию в их новый дом. Окна большой гостиной роскошного пентхауза выходили на Арену. С балкона можно было даже смотреть спектакли, которые давались на сцене античного театра. Батиста декорировал новое жилище сообразно своему вкусу – повсюду была щедрая позолота: на высоких потолках, обрамлениях картин. Все сияло, отражалось в многочисленных зеркалах. Спальня Марии была розовой, примыкающая к ней туалетная комната была отделана розовым мрамором. Позолоченные краны в форме изогнутых дельфинов сияли. Повсюду стояла антикварная мебель, венецианские люстры в зеркалах отсвечивали миллионами крохотных огоньков.

Мария была потрясена – такой роскоши она никогда в жизни не видела, правда, уже намного позже, она говорила, что пентхауз был обставлен по-мещански. Но в то время она была невероятно счастлива: все в ее жизни складывалось замечательно: у нее был щедрый, любящий муж, роскошный пентхауз, и, конечно же, самое главное – оперная сцена.

«ТРАВИАТА» – МАРИЯ КАЛЛАС

Итак, Менегини стал продюсером своей жены. Он взялся за дело с энтузиазмом и организовывал гастроли Марии. Она ездила с турами по Италии, напряженно работая, расширяя свой репертуар. Слава о ее голосе и драматическом таланте ширилась, критики восхваляли Каллас.

Однако она всегда была своим самым строгим критиком, стремясь к совершенствованию, требуя того же и от своих партнеров по сцене. Это приводило к конфликтам с директорами театров и с большинством актеров, с которыми ей приходилось работать.Знаменательным для нее стало выступление в Римской опере на вагнеровском фестивале, где она пела сложнейшую партию Кундры в опере «Парсифаль». Именно там ее увидел, услышал знаменитый кинорежиссер Лукино Висконти. Эта встреча стала решающей для обоих, у Висконти появилась идея поставить оперу «Травиата» с Марией Каллас в роли Виолетты.

В начале 50-х Лукино Висконти был кумиром, как бы сказали сейчас, секс-символом времени. Потомок старинного аристократического рода, он появился на свет в миланском палаццо Висконти. Юность провел в Париже, участвовал в движении Сопротивления, был романтичным и талантливым юношей. Висконти известен как один из основателей неореализма в итальянском кино.

Аристократичный, необыкновенно элегантный, с классическими чертами лица и завораживающегипнотическими глазами, Лукино Висконти был тонким ценителем и знатоком оперного искусства. Увидев Каллас в опере «Парсифаль», он был поражен ее голосом, драматическим талантом. После представления он пришел к ней в артистическую и сказал, что хочет поставить для нее оперу. «Почему?» – прямо спросила Мария. «Потому что я считаю, что вы – величайшее сопрано нашего времени». Она помолчала несколько минут, затем, надев очки, внимательно посмотрела на Лукино. «Вы не похожи на дурака или сумасшедшего, – сказала она, – когда найдете для меня оперу, мы поговорим».

Эта встреча положила начало многолетней творческой дружбе. Мария была польщена, потрясена вниманием и признанием великого Висконти. Со всей страстью, ей присущей, она влюбилась в этого удивительного человека. Он внимательно следил за ее творчеством и был в зале, когда 14 января 1951 года во Флоренции состоялся ее дебют в опере Джузеппе Верди «Травиата». Это был ее триумф, как писали критики: «Они

слилась воедино: образ Виолетты, созданный Дюма, и Мария Каллас».

Стремясь как можно точнее воссоздать образ Виолетты на сцене, Мария страшно переживала свою полноту. Висконти говорил ей: «Ты – красивая женщина. Да, ты полная. Но полнота не затмевает твоей красоты. Просто сейчас изменились каноны женской красоты. Красивой считается стройная женщина, а пятьдесят лет назад все было наоборот». Но Мария продолжала страдать.

В 1953 году на экраны вышел фильм «Римские каникулы» с Одри Хепберн в главной роли. Тоненькая, почти невесомая Хепберн покорила все сердца. «Она стала для меня идеалом», – говорила Мария.

«Лукино, буду ли я красивой, если похудею и стану такой, как Одри Хепберн?», – спросила она Висконти. «Ты будешь слишком худой», – ответил он. «Но красивой?» – продолжала настаивать Мария. «Ты будешь выглядеть подлинной Травиатой, которая умерла от чахотки». Это были именно те слова, которые Мария хотела услышать. На следующий же день она перешла на строжайшую диету, прибегла к помощи лучших диетологов. Несмотря на напряженное расписание, она ела лишь один раз в день. В течении одиннадцати месяцев Мария похудела на сорок килограммов.

Произошедшая с ней метаморфоза произвела сенсацию. Появилась совершенно иная Мария Каллас. Она заказала себе новые изысканные туалеты у лучших модельеров, которые подчеркивали изящество фигуры. Она стала воплощением парижского и миланского шика.

После блестящего дебюта в La Scala в 1951 году Мария Каллас стала настоящей примадонной оперы. В 1953 году она спела пятьдесят пять оперных спектаклей, исполнив главные партии в семнадцати операх, включая такие, как «Травиата», «Лючия ди Ламмермур», «Норма», «Медея», «Аида». Она пела на оперных сценах Венеции, Рима, Флоренции, Милана, Генуи, Лондона, Парижа. Слава, настоящая слава пришла к ней, легла у ее ног. Мечта о постановке «Травиаты» обещала стать реальностью. Мария знала, что сможет сыграть эту роль.

Висконти поставил «Травиату» в реалистическом ключе. Работа великой актрисы Элеоноры Дузе в пьесе «Дама с камелиями» служила для него образцом.

Висконти несколько изменил временной фон действия, перенес происходящее в конец XIX века. Мария выглядела в костюмах этого времени потрясающе. Высокая и стройная, в платье с удлиненным узким лифом, с кринолином и длинным

шлейфом, она была прекрасна.

Дирижер Карло Мария Джулини вспоминает: «Блеск, с которым Каллас демонстрировала в первом акте жажду развлечений и желаний куртизанки, во втором акте превращался в волнующий портрет преображенной любовью женщины. Был именно тот самый контраст чувств, который искали Каллас и Висконти на протяжении бесконечных репетиций. Это было что-то невероятное, сколько нюансов нашла Каллас в продолжительной сцене с Жермоном!»

Лукино Висконти тщательно работал над каждой деталью, каждым нюансом: как Виолетта плачет, как поднимает брови, как она обмакивает перо в чернила, как держит руку во время письма. «Мария выполняла весь рисунок роли безукоризненно. Даже в те моменты, когда не было пения, а только звучал оркестр, в публике многие рыдали во время этой сцены под впечатлением ее актерской игры», – говорил он.

В предсмертной сцене Висконти был нужен весь гений актерского мастерства Каллас, без остатка. С просветленным лицом Каллас говорила Альфреду: «Боль прошла… во мне зарождается новая жизнь…» и на словах: «О, радость…» Виолета умирает. Ее огромные глаза были широко раскрыты. Взгляд, устремленный в публику, замирал без движения и жизни. Занавес опускался, а она продолжала смотреть этим застывшим взглядом. В эту минуту весь зал ощущал ужас и боль Альфреда, а сама Каллас – дыхание смерти.

Опера «Травиата» на сцене La Scala была примером высокого служения Искусству. Режиссер, Художник, Дирижер и Певица с блеском выполнили то, чего требовала от них партитура Верди. «Травиата» в трактовке Висконти-Каллас имела огромное влияние на оперное искусство. Пьер-Жан Реми, парижский оперный критик сказал: «После Каллас опера никогда не будет такой, как раньше». Трудно что-либо добавить к этим словам.

ТЯЖКОЕ БРЕМЯ СЛАВЫ

К 1952 году гений Каллас достиг пика. Висконти помог раскрыться ее таланту, он пробудил в ней великую актрису, красивую женщину. Она достигла всего, о чем мечтала. Батиста, безусловно, давал себе отчет, что между Марией и Лукино Висконти существует нечто объединяющее обоих, но предпочитал делать вид, что ничего необычного в этом нет. Всех устраивало такое положение, и внешне все выглядело весьма благопристойно.

Дом, который Мария купила в аристократическом районе Милана на via Buonarroti, украшала антикварная мебель, дорогие картины, в саду стояли античные статуи, в оформлении дома чувствовалось влияние Лукино Висконти.

Больше полутора лет прошло со времени постановки «Травиаты», прежде чем они опять встретились – Висконти и Каллас. На этот раз режиссер решил воплотить свой давний замысел – поставить оперу Доницетти «Anna Bolena». Это трагическая история второй жены Генриха VIII, которая была обезглавлена по приказу своего супруга. Оперу не ставили с 1830 года, но весной 1956-го дирекция La Scala решила возобновить постановку.

Как всегда, Висконти не упускал ни одной детали, он сам проектировал костюмы для Марии, следил за тем, чтобы все следовало исторической правде. Финальная сцена оперы была ее эмоциональной вершиной.

…Мрачный лондонский Таэур. Зарешеченные окна, сквозь которые пробивался слабый свет, многочисленная охрана. Медленно оживали тени, в которых узнавали камеристок Анны и, наконец, Каллас, вернее, ее силуэт появлялся из темноты. Она творила последнюю молитву перед казнью. Зал почти не дышал – все застыли в напряжении.

Отзвучал и растаял в воздухе последний звук оркестра. Зал молчал несколько секунд, а потом взорвался овацией, которая длилась двадцать четыре минуты. Люди кричали «Браво, Мария», на сцену приносили огромные корзины цветов. Мария, казалось, ничего не видела – она все еще переживала трагедию своей героини. В ее глазах были слезы.

У театра собралась огромная толпа, люди хотели видеть Марию, приветствовать ее. Кордон полицейских сдерживал напор толпы. Наконец, вышла Мария. Величественным шагом королевы, в окружении телохранителей, она прошла к поджидавшему ее лимузину. Толпа расступилась…

Какими только эпитетами не награждала ее критика! Ее любили и ненавидели, писали о ней вымышленные и подлинные истории – она была лакомой добычей для папарацци и репортеров. Никогда ни до ни после Марии Каллас оперная певица не занимала столько места в светской хронике. Мария была фотогенична – огромные глаза-маслины, изысканные туалеты, ну чем не украшение обложки глянцевого журнала! Сплетни, вымыслы переплетались с правдой, все это выплескивалось на страницы газет и журналов.

Но самый большой удар нанесла ей мать – Лиза Калогеропулос. Перед гастролями в Америке, в знаменитом Metropolitan Opera, гастролями, которых она так долго ждала, в журнале Time появилось интервью с матерью Марии Каллас. Репортер встретился с ней в Афинах и нарисовал портрет слабой несчастной женщины, которая обеспечила успешную карьеру своей дочери, а та, – о, неблагодарная, – при своих миллионах не может послать матери несчастные сто долларов, которые нужны для того, чтобы «купить кусок хлеба».

Лиза была счастлива – наконец-то и она попадет на страницы крупнейшего журнала. Она разливалась соловьем, рассказывая все, что ей придет в голову. Так, она упоенно поведала репортеру, что когда она обратилась с просьбой о ста долларах к Марии, та, якобы, ответила: «У меня деньги не растут на деревьях, мне нужно хорошенько накричаться, прежде чем я их получу. Ты достаточно здорова для того, чтобы идти работать, ну а если нет – то можешь броситься из окна в воду».

Нужно ли говорить о том, что это был полный вздор, плод больной фантазии Лизы. Сестра Марии Джеки говорила, что они ежемесячно получали от Марии большие денежные суммы, у нее хранились все квитанции.

Статья в журнале Time пришлась как раз к началу гастролей Каллас в Америке и произвела эффект разорвавшейся бомбы. Интервью с Лизой также появилось на телевидении, его несколько раз повторяли, перепечатывали в газетах и журналах. Но Мария стоически перенесла нападки и уколы прессы, зависть и козни недоброжелателей.

Как всегда, она самозабвенно работала, не щадя ни себя ни других. «Я работаю – значит я существую», – говорила она. «Все или ничего» – было ее девизом, она работала на износ. Периодические приступы депрессии усиливались попытками похудеть и переутомлением, связанным с нервным напряжением, боязнью потерять голос. Она почти не спала, питалась лишь фруктами и овощами. Частые приступы болезни вынуждали ее отменять или переносить гастроли, выступления. Это осложняло

отношения с дирекцией театров, публикой, которая была восторженна, но непостоянна в своих привязанностях.

Работа – единственное, что у нее осталось. У Марии не было друзей. «Когда ты восходишь на Олимп, ты остаешься в одиночестве», – говорила она. Тяжкое бремя славы легло на нее. Ее все предали: мать, сестра, отец, некогда любимый и заботливый муж.

Мария обнаружила, что, взяв на себя управление ее финансами, Батиста перечислял огромные суммы на собственный счет в банке и отдавал значительную часть клану Менегини, члены которого продолжали ненавидеть Марию. Отношения Батисты и Марии изменились, порвалась ранее существовавшая нить любви. Роскошный миланский дом был холодным и неуютным. У каждого из супругов была своя половина, они редко встречались. Самой большой привязанностью Марии был маленький, почти игрушечный пудель, которого ей подарил Висконти. Она так и назвала собачку – «Тоу», «Игрушка».

«У меня нет личной жизни», – говорила Каллас, и это было правдой. Она постоянно находилась под прицелом фото– и видеокамер, ее слова, поступки немедленно комментировались. Постоянная шумиха ожесточала ее – она была очень ранима. Она говорила: «Громкая слава – это огромная ответственность и полная беззащитность».

Однако, несмотря ни на что, сезон в Metropolitan Opera прошел блестяще. Мария говорила: «самое сложное – получить признание у себя дома». По случаю окончания сезона, после премьеры оперы «Норма», в Hotel Ambassador был дан гала-бал в честь Марии Каллас. В роскошном Trianon Ballroom, сверкающем белым итальянским мрамором, золотом отделки, собрались сливки нью-йоркского высшего света. Это был официальный зал приемов, где принимали премьер-министров, королей, президентов. Все было как и полагается в таком случае: дамы сверкали если не красотой и молодостью, то, во всяком случае, роскошными бриллиантами. Мария Каллас появилась после того, как бал уже начался, в ослепительном наряде, возвышаясь на десять сантиметров над своим супругом.

Рядом неотступно следовали телохранители – они охраняли не только примадонну, но также и ее, стоимостью в несколько миллионов долларов, бриллианты. Все взоры обратились к ней, Мария принимала все знаки восхищения, как и положено Примадонне – спокойно и доброжелательно. На этом балу состоялась ее встреча с женщиной, которой Судьба отвела роль демона-искусителя в жизненной драме Марии Каллас.

Некрасивая, неряшливая, увешанная драгоценностями,

бесформенно-полная, Эльза Мэксвелл вела отдел светской хроники в крупных газетах. Эльза была поклонницей соперницы Марии Каллас – знаменитой певицы Ренаты Тибальди и не отказывала себе в удовольствии предавать гласности нелицеприятные истории о Марии. Почему вдруг она резко переметнулась в «лагерь» Каллас, почему начала выказывать всевозможные знаки поклонения новой «царице»? С какой целью старалась осуществить знакомство Марии Каллас с Онассисом?

Позднее именно Эльза была режиссером роскошного венецианского бала, в пышных декорациях которого состоялось это роковое знакомство. Но до этого Марии Каллас было уготовлено еще одно испытание, посланное Судьбой.

Напряженная работа, новые роли в сложных оперных спектаклях приносили не только радость, но и огромную усталость, которую Мария ощущала все больше.

Декабрь 1958 года в Риме, где начинались ее гастроли, выдался особенно холодным. Ледяной мелкий моросящий дождь сменялся внезапными порывами ветра, большое старое здание римской Teatro dell'Opera почти не отапливалось, за кулисами слышно было, как воет ветер.

Новый сезон должен был начаться премьерой оперы Беллини «Норма». Рождество супруги Менегини провели дома, а 31 декабря Мария прибыла в Рим. Не заезжая в отель, Мария сразу поехала в театр. На сцене и в артистической было холодно, Мария панически боялась простуды. Новогодний вечер они с Батиста решили провести вдвоем в номере отеля. Но оказалось, что Висконти, который в это время был в Риме, устроил party в самом шикарном ночном клубе города. Батиста уговорил Марию появиться там всего на пару часов. Эти «пару часов» обернулись катастрофой для Марии. Папарацци запечатлели на фотопленку Каллас с поднятым в честь Нового года бокалом шампанского. Наутро она проснулась и с ужасом обнаружила, что голос пропал – сказалось все: усталость, промозглая, сырая погода, холод в театре…

Она была в панике: так давно ожидаемая премьера «Нормы» была под угрозой срыва. «Я ни в коем случае не могу, не имею права отменить спектакль», – произносила Мария трагическим шепотом. Ожидая чуда, она молилась перед маленькой иконкой святой девы Марии, которая всегда ее сопровождала, но увы…

В первый день нового года трудно было разыскать врача, да и чем он мог помочь? Полоскания горла, несколько таблеток – вот, пожалуй, и все, что он мог предложить отчаявшейся Марии. «Меня часто преследовал один и тот же ночной кошмар: я выхожу на сцену и понимаю, что у меня пропал голос, публика свистит,

выражает свое возмущение, а я ничего не могу поделать», – говорила Мария, – и вот этот сон грозил превратиться в страшную явь. Она лишилась голоса накануне столь ожидаемой премьеры!

Ее не оставляла надежда – святая дева Мария ей поможет, чудо произойдет, она обретет голос! Она робко попробовала распеться, еще, еще раз. Казалось, что чудо свершилось, Мария почувствовала, что опять может петь. Каллас поехала в театр, приготовилась к выходу на сцену.

Нарядный зал Teatro dell'Opera был полон. Премьера «Нормы» в Риме была значительным артистическим и светским событием, «весь Рим» был в театре.

Начальную арию Casta Diva слушали затаив дыхание. Все шло прекрасно, Каллас была великолепна. И вдруг… буквально на последних тактах знаменитой арии, голос ей изменил, звук пошатнулся, вместо ясного и чистого «бриллиантового» звучания, из горла вырвался некий шипящий звук. Случилось самое страшное – голос, который был ее богатством, ее славой, покинул ее. Мария в ужасе застыла на сцене. Она шептала лишь: «No, no, nooo…»

В зале начался глухой ропот. Публика, недавно обожествлявшая Каллас, была возмущена. Благородные дамы и учтивые джентльмены, казалось, забыли о хороших манерах. Раздавались выкрики, свист, дирижер распорядился опустить занавес. Дирекция театра принесла извинения, премьерный спектакль был отменен.

Ситуация осложнялась еще и тем, что многие видели фотографию, на которой Мария Каллас была запечатлена с бокалом шампанского в руках. Масла в огонь подлила статья репортера, в которой он написал, что знаменитая певица веселилась в ночном клубе до четырех часов утра. Как всегда, правда была смешана с ложью, и последствия этого были непредсказуемы.

Мария находилась в состоянии, близком к обмороку, она не могла самостоятельно сделать ни шага. Ее почти вынесли из театра, используя служебный вход, отвезли в отель, где врач и Батиста не отходили от нее всю ночь. Разъяренная толпа собралась под окном, люди швыряли гнилые овощи, свистели, улюлюкали. Разошлись только после того как прибыл наряд полицейских. Обследовав Марию, доктор написал заключение, в котором констатировал, что Каллас больна, у нее тяжелый бронхит.

Заключение было передано во все крупнейшие газеты мира, однако это не помогло восстановить погубленную репутацию. Прошло немало времени, прежде чем улеглись страсти и публика

простила Каллас. Мария навсегда запомнила эту страшную душевную боль, испытанные унижение и позор.

К счастью, ей не дано было знать, что она вступает в новую полосу своей жизни, и ей предстоят неизмеримо большие испытания.

ЕЩЕ ОДИН ГРЕК

То была огромная корзина алых, как кровь, роз. Ничего подобного Мария не видела, хотя ее невозможно было удивить изысканными букетами.

– От кого это? – спросила она мужа, который тщетно искал визитную карточку приславшего цветы.

– Не знаю, – ответил он, – наверное, какой-то поклонник.

– Наверное, – вздохнула она и пошла в спальню, чтобы переодеться перед выходом.

Уже поздно вечером, когда триумфально закончилась опера «Медея» в парижской L'Opera, посыльный доставил точно такую же корзину алых роз в ее артистическую. На этот раз Мария увидела небольшую, изящно выполненную визитную карточку. На ней было от руки написано: «Влюбленный Грек».

«Как он романтичен!» – сказала Мария, и ее глаза затуманились. Уже много позднее Батиста Менегини вспоминал, что произнесла она эти слова необычным голосом…

Их было несколько, как бы случайных, встреч Марии Каллас и одного из самых богатых людей мира Аристотеля Онассиса. Они виделись на балах, где собиралось высшее общество. Эльза Максвелл представила их друг другу, ради этого она устроила пышный бал в Венеции. Онассис посетил несколько оперных премьер, на которых блистала Каллас. «Она необыкновенная женщина, – говорил Ари своей жене Тине Онассис. Действительно, необыкновенная». Тина впоследствии говорила, что его улыбка напоминала ей тигра, который готовился к преследованию своей жертвы.

Аристотель Онассис, в то время один из самых богатых людей в мире, судостроительный магнат, чье состояние было нажито весьма сомнительными методами, пользовался репутацией любителя и ценителя знаменитых женщин. Его привлекали их красота, блеск, сопутствующий славе. В числе его любовниц были звезды Голливуда, оперные дивы, светские красавицы.

Супружеский союз Тины и Аристотеля Онассис был скорее формальным, каждый из них жил собственной жизнью. Дети – Кристина и Александр – были предоставлены самим себе, ими занимались гувернеры и слуги.

Многие богатые люди коллекционировали предметы искусства, живопись. Предметом страсти Онассиса были знаменитости – он стремился окружить себя теми, о ком говорили, писали, чьи имена были у всех на устах.

Мария Каллас была его новой страстью. Он стремился

заполучить ее в свою коллекцию. Короткие мимолетные встречи, корзины алых роз, которые он посылал Марии после каждого спектакля, все это не приводило к желаемым результатам. Онассис буквально преследовал ее, появляясь на всех гала-концертах и оперных премьерах. Увидев Марию Каллас, возвышающуюся над толпой, он стремительно возникал перед супругами Менегини, целовал руку Марии и говорил заранее заготовленные комплименты. Он неоднократно приглашал супругов совершить круиз на его знаменитой яхте «Кристина», но Мария всякий раз отказывалась, ссылаясь на загруженный график гастролей. Когда Онассис в очередной раз повторил свое приглашение, Мария сказала, что она должна петь пять спектаклей в лондонском Covent Garden, там состоится премьера оперы «Медея».

– Медея? – воскликнул Онассис, – это же греческий миф! Я хочу послушать оперу и готов перенести круиз на более поздний срок. Мы с Тиной непременно будем на премьере в Covent Garden.

Было очевидно, что Тина не разделяет энтузиазма своего супруга, но она вежливо подтвердила сказанное. Вскоре супруги Онассис сообщили, что после первого спектакля устраивают бал в честь Марии Каллас в знаменитом лондонском Dorchester Hotel.

Премьера «Медеи» прошла блестяще – занавес поднимался шестнадцать раз, публика аплодировала стоя, огромные корзины цветов заполнили сцену. В артистической Марию ждал сюрприз – большая коробка из лучшего мехового магазина Лондона.

Пушистый мех, казалось, светился изнутри, таково свойство драгоценной шиншиллы. Мария вскрикнула от восторга, увидев роскошное манто. Это был еще один дар «влюбленного Грека». Каллас, как и каждая женщина, любила драгоценности и меха, но не могла позволить себе приобрести роскошное шиншилловое манто, это было ее мечтой. И вот теперь мечта стала явью. Несмотря на июньскую жару, Мария накинула манто на вечерний туалет и так появилась в зале приемов Dorchester Hotel.

Онассис удовлетворенно улыбнулся – Мария приняла его дар, это был хороший знак. Батиста тоже был доволен – как никак, это избавило его от покупки дорогого мехового манто, которое являлось необходимой принадлежностью гардероба оперной дивы. Существует редкий фотоснимок, сделанный в момент появления на балу Марии в шиншилловом манто. Онассис и Батиста, оба на голову ниже Марии, смотрят на нее – один торжествующе, второй – с тревогой и подозрением, а она, как настоящая королева, глядит на обоих сверху вниз, накинув на плечи роскошный дар.

На том же балу Онассис повторил свое приглашение

совершить круиз на его яхте. Мария не смогла отказать, у нее не было веской причины. Оперный сезон заканчивался, она была свободна до сентября. Мария предвкушала великолепное путешествие на знаменитой яхте «Кристина», о которой ходило множество легенд.

22 июля 1959 года супруги Менегини вылетели в Ниццу, где их встретил шофер одного из лимузинов, принадлежащих Онассису, и привез в Монте Карло. Там, покачиваясь на небольших волнах, красовалась яхта одного из самых богатых людей в мире.

РОКОВОЙ КРУИЗ

Угасал долгий июльский день, жара постепенно спадала, вечер вступал в свои права. Мария Каллас сидела в легком шезлонге на палубе яхты «Кристина». Яркие огни, освещавшие яхту, отражались в темной воде, звучала тихая музыка. «Неужели существует такая жизнь? Свободная от переживаний, закулисных интриг, постоянного напряжения», – думала Мария. Пожалуй, впервые в жизни она так безмятежно отдыхала.

Гостеприимные хозяева Тина и Онассис, казалось, сделали все, чтобы их гости чувствовали максимальный комфорт, – 70 человек обслуживающего персонала, среди которых были повара, горничные, бармены, стюарды, врачи, секретари, секьюрити обеспечивали покой и удобства. Аристотель любил собирать вокруг себя знаменитостей, его гостями были египетский король Фарук, звезды Голливуда Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Мэрилин Монро, Элизабет Тэйлор, Фрэнк Синатра и многие другие.

Короля государства Монако принца Ренье и Онассиса связывали деловые интересы, поэтому принц и его супруга – в прошлом знаменитая голливудская актриса Грейс Келли – были частыми гостями четы Онассис.

Самым дорогим гостем, человеком, перед которым преклонялся греческий миллиардер, был бывший премьер-министр Великобритании знаменитый Уинстон Черчилль. Очень пожилой, грузный, обремененный болезнями, Черчилль всегда был центром внимания. Укрытый шотландским пледом, знаменитый политик любил сидеть на палубе в удобном инвалидном кресле и общаться с гостями. Он обычно приезжал на яхту «Кристина» со своей супругой, дочерью, секретарем и врачом. Сэру и леди Черчилль всегда предоставлялась самая лучшая каюта. И еще с одним живым существом Черчилль был неразлучен – это была его канарейка. Он с ней часто беседовал, что и дало Онассису повод как-то заметить: «Я бы хотел быть вашей канарейкой, сэр». «Почему?» – поинтересовался Черчилль. «Сколько мудрых мыслей я бы выслушал!» «Но слова нам нужны для того, чтобы скрывать свои мысли», – бывший премьер-министр любил афоризмы.

Судьба яхты «Кристина» уникальна. В 1943 году со стапелей верфи Canadian Vickers сошло конвойное судно HMCS Stormont. Оно совершило несколько рейсов через Атлантику и к 1954 году должно было быть списано. Но тут-то им и заинтересовался Аристотель Онассис. Вложив сорок миллионов долларов, огромную сумму по тем временам, он полностью перестроил и

переоборудовал судно, назвав яхту именем дочери – «Кристина».

Интерьер, выполненный в стиле модерн, поражал роскошью отделки. Ценные породы дерева, серебро и золото, мрамор всевозможных цветов и оттенков составляли великолепную гармонию. С верхней палубы на нижнюю вела отделанная ониксом винтовая лестница с серебряными перилами, дно бассейна в носовой части корабля покрывали мозаики, привезенные из древнего миносского дворца на Крите. Плавательный бассейн одним нажатием кнопки превращался в танцевальный зал. Стены кают и салонов украшали подлинники Ренуара и Эль Греко.

Стулья в баре были обтянуты кожей крайней плоти белых китов. Это дало повод Онассису как-то пошутить. «Мадам, вы сидите на самом большом в мире пенисе», – сказал он Грете Гарбо, сидевшей на высоком барном стуле.

Каждая из 18 кают 325-футовой яхты носила имя одного из островов Греческого архипелага. Супругам Менегини была предоставлена самая роскошная каюта, названная именем острова Итака. Там обычно располагались самые именитые гости. Знаменитый голливудский актер Ричард Бартон, один из мужей Элизабет Тэйлор, как-то сказал после круиза на «Кристине»: «Думаю, что на земле не найдется ни одного мужчины или женщины, которые бы не поддались соблазну бесстыдного очарования, излучаемого этим судном». На что Аристотель Онассис ответил: «Я позаботился о том, чтобы так оно и было».

Мария и Онассис все время проводили вместе. «Они ни на кого не обращали внимания и были полностью поглощены собой», – вспоминала дочь Черчилля. Во время остановок яхты они предпочитали долгие прогулки вдвоем. Ари нежно обнимал Марию за талию, она весело смеялась его шуткам, им было хорошо вместе.

Внимательные и недоброжелательные глаза пассажиров «Кристины» смотрели на влюбленных, которые, казалось, никого не замечали. Дети Тины и Аристотеля 9-летняя Кристина и 12-летний Александр следили за развитием романа. Они были достаточно взрослыми, чтобы оценивать происходящее. «Все, что происходило на наших глазах, было просто возмутительно, – писала впоследствии дочь Черчилля в своей книге, – мне было жаль детей, они страшно переживали». Батиста Менегини и Тина Онассис, супруги влюбленных, отлично понимали происходящее. Батиста впоследствии говорил: «Я понимаю, что мужья обо всем узнают последними. Роль обманутого мужа была невыносима, я держался до последнего».

То памятное августовское утро было необычайно спокойным,

даже легкий ветерок не нарушал гладкую поверхность моря. Яхта бросила якорь в Босфорском проливе, неподалеку от Стамбула. В полдень яхту посетил важный гость – патриарх Атенагорас, глава греческой православной церкви. Мария и Онассис встали перед ним на колени. Патриарх их благословил.

Батиста впоследствии говорил, что у него было ощущение, как будто он присутствует на брачной церемонии. Сестра Аристотеля Артемида, которая была свидетелем произошедшего, явно выказала свое недовольство, но Онассис гневно на нее посмотрел, что-то написал на небольшом клочке бумаги и передал ей эту записку. Артемида прочла, вспыхнула и выбежала из гостиной. «В тот вечер Мария не пришла в спальню», – вспоминал впоследствии Батиста. Мария ему сказала: «Можешь делать все, что пожелаешь, я остаюсь с Онассисом».

…Близился рассвет. Тина Онассис проснулась необычайно рано, как будто от толчка. Накинув легкий пеньюар, сошла в салон и тут же остановилась как вкопанная. В неясном свете зарождающегося дня она увидела своего мужа и Марию. Они были так увлечены друг другом, что не заметили ее. Тине не раз доводилось заставать мужа в объятиях разных женщин, но на этот раз она почувствовала всю глубину страшного унижения и боли, которые нанесли ей эти два человека – ее муж и «певица», – так, с презрительной интонацией, Тина и дети называли Марию Каллас.

Содрогаясь от рыданий, Тина бросилась в каюту Менегини. Она стучала в дверь кулаками, требуя, чтобы он открыл дверь. Испуганный, полусонный Батиста сначала не мог понять и поверить в то, что Тина ему рассказала. Она рыдала. Позор, унижение, обида, горечь – все смешалось в страшный комок переживаний. Батиста старался утешить ее, говоря, что это всего лишь каприз Марии и Ари, что это не более чем эпизод. «Неправда, он забрал твою Марию, ты ее больше не увидишь», – кричала Тина, не боясь, что ее услышат другие обитатели яхты.

Батиста дождался прихода Марии. Он ей сказал, что Тина видела, как они с Онассисом занимались любовью.

– Как ты могла так поступить, вы оба были, как дикие животные, как ты могла… – он задыхался от ярости.

– Я люблю его, – просто ответила Мария.

Круиз закончился на несколько дней раньше. Были соблюдены все внешние приличия, гости разъехались по домам. Папарацци ждали, когда Батиста и Мария появятся на причале в Монако. Батиста крепко держал Марию под руку, не подозревая, что простой золотой браслет, который она надела, был подарком Онассиса.

На его внутренней стороне были выгравированы четыре

буквы: TMWL – To Maria With Love. Откуда было знать Марии, что это – его «фирменный» подарок, он его делал многим.

У Тины тоже был подобный браслет, на котором красовались буквы: TILY – Tina I Love You.

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Это был трудный разговор, он длился вот уже второй час. Их было трое, в эти минуты решалась жизнь каждого из них. Нужно было многое обсудить, расставить все точки над i. Онассис женат, он не собирается пока подавать на развод – это вызовет огромный скандал, отразится на бизнесе, травмирует детей. Карьера Марии Каллас тоже может пострадать от неизбежных потрясений. Мария должна остаться синьорой Менегини, настаивал Батиста. «В Италии не существует разводов, – повторял он. – Помни, ты принадлежишь мне». «Я принадлежу самой себе!» – отвечала Мария.

Они срывались на крики, оскорбления, итальянский язык смешивался с английским, греческим, Менегини старался соблюдать приличия, но у него это не получалось.

– Ты, подонок, пригласил меня на яхту, а затем всадил нож прямо в сердце. Когда ты насытишься Марией, ты выбросишь ее так же, как ты поступил со своей женой, – кричал он Онассису.

– А ты, Мария, – обращался он к жене, – неужели ты слепа настолько, что не видишь, с кем хочешь связать свою жизнь, бросить карьеру, забыть и предать все, что нас связывало?

Мария пыталась успокоить обоих мужчин, но ей это не удавалось. В ответ на возмущение Батисты Онассис кричал:

– Каким бы подонком я ни был в твоих глазах, советую запомнить, что я – могущественный миллионер, у меня огромные связи. Я никогда не оставлю Марию, не отдам ее никому. Поэтому сразу скажи – сколько миллионов ты хочешь? Пять? Десять? Двадцать? За сколько ты продашь Марию?

– Вон из моего дома! – выкрикнул Батиста, выталкивая Онассиса. Двое немолодых полных мужчин дрались, нанося побои друг другу. Марии едва удалось их разнять…

Мария и Онассис ушли вместе. На следующий день Мария позвонила Менегини и потребовала прислать ей маленькую икону девы Марии, которая была ее талисманом.

Вскоре Батиста выступил с заявлением для прессы, в котором сообщил, что они расстались с Каллас, и он больше не будет представлять ее интересы. Журналисты буквально охотились за участниками этой драмы, преследовали их повсюду, задавая множество вопросов. Тина Онассис забрала детей и уехала в Нью-Йорк. Она объявила, что подаст на развод. Ари был взбешен, но Мария сохраняла полное спокойствие. «Никто в мире никогда не любил сильнее, чем я люблю Ари. Мой голос, моя карьера – все отошло на второй план. Существует только наша любовь», –

говорила она.

Репортеры изданий всего мира подстерегали Онассиса и Каллас, расставив постовых на всем пути их следования. Как-то окружив плотным кольцом Онассиса, один из репортеров выкрикнул:

– Это правда, что Мария Каллас ваша любовница?

Онассис, сняв свои неизменные темные очки, внимательно посмотрел на журналиста и сказал:

– Я был бы польщен, если бы женщина класса мадам Каллас подарила мне свою любовь. А кто бы возражал?

Когда с подобным вопросом обращались к Марии, она говорила, что Онассис – ее близкий друг, который помогает ей пережить трудное время. Поняв, что от них трудно чего-либо добиться, репортеры бросались на Менегини, который, не жалея сочных красок и громких эпитетов, клеймил обоих участников скандала.

В пространном интервью для престижного журнала Life Мария попыталась внести ясность в произошедшее: «Мир осуждает меня за то, что я оставила своего мужа, – говорила она. – До моей встречи с Аристо я жила в клетке, исполняя лишь то, что мне было велено. Сейчас я впервые почувствовала себя женщиной».

О, как она ошибалась, думая, что выпорхнула из клетки и стала вольной птицей. На самом деле это была лишь иллюзия – из одной клетки она попала в другую, став золотой канарейкой Онассиса. Но она боялась себе в этом признаться.

Наступил февраль 1960 года. Мария уже больше двух месяцев не появлялась на сцене, она отменила все запланированные выступления. Это немедленно дало повод прессе объявить, что Каллас потеряла голос и больше никогда не вернется на сцену.

На волне кампании травли в прессе постоянная соперница Каллас Рената Тибальди триумфально вернулась в La Scala. В первом же интервью она заявила, что не могла там петь пока в театре царствовала Каллас. Знакомая ситуация: взамен прежней королевы пришла новая.

Не успела Мария справиться с ударом, нанесенным ей Тибальди, как пришлось пережить новый. Ее мать, Лиза, подготовила к печати книгу под громким названием «Моя дочь Мария Каллас», в которой она, по ее словам, намерена была «рассказать все-все». Сюда входили интимные пикантные подробности о первом сексуальном опыте Марии, о ее браке с Менегини, о том, как она его предала. «Женщины, подобные Марии Каллас, не знают, что такое настоящая любовь. Я была ее первой жертвой, теперь наступила очередь Менегини. Если

Каллас удастся оседлать Онассиса, он будет ее третьей жертвой», – писала «любящая» мать.

Даже после публикации книги, где она предстала настоящим чудовищем, Мария продолжала ежемесячно высылать матери денежные чеки. В начале марта этого же года Мария некоторое время жила в Париже и обсуждала с дирекцией Grand Opera будущие гастроли. Она сказала, что возобновит выступления в следующем году, потому что сейчас у нее другие планы. «Я хочу жить нормальной жизнью, может быть, родить ребенка, ведь я страшно одинока», – сказала она.

Она страстно хотела, чтобы Ари женился на ней, мечтала о детях, о семье, но, увы, он почти все время был в разъездах, дела не давали возможности находиться на одном месте. Мария все чаще была одна, с Бруной – горничной, которая с годами стала близким другом.

Рождество Мария и Онассис провели вместе с детьми Кристиной и Александром в Монте Карло. Мария всячески старалась завоевать их расположение, но это ей не удалось. Дети не скрывали своей антипатии к «певице», считая, что она разрушила их семью. Они демонстративно не отвечали на ее вопросы, оставляли нераскрытыми дорогие подарки, которые она тщательно выбирала для каждого.

«Они меня ненавидят», – рыдала Мария после рождественского ужина. «Все обойдется», – успокаивал ее Онассис. Однако этого не произошло. И еще один удар ей пришлось перенести: ее любимый пудель, ее Тоу, заболел, по-видимому, он страдал вместе с ней, переживая все происходящее. Его сердце не выдержало, и он внезапно умер от инфаркта.

Конфликты с дирекцией La Scala, неопределенность положения с Онассисом, накопившиеся переживания – все это привело к глубокой депрессии. Мария была не в лучшей творческой форме, и она решила покинуть Милан, ее там больше ничто не задерживало. Пакуя вместе с Бруной чемоданы, Мария прощалась со своим прошлым.

МАРИЯ – NORMA

Париж стал ее новым домом. Она любила этот город, его темп, его аромат, его удивительную атмосферу. Онассис по-прежнему находился в постоянном движении, он перелетал на своих самолетах из страны в страну, из города в город, но несколько недель в году они проводили вместе на яхте «Кристина». Это было то, ради чего она жила. С годами ее страстная любовь к Онассису не погасла. Он по-прежнему оставался центром ее жизни, был щедр, осыпал ее драгоценностями, оплачивал огромные счета за антиквариат, живописные полотна, которыми она украшала свои апартаменты на авеню Mandel.

Мария мечтала о ребенке. Надеясь на чудо, она даже оборудовала небольшую комнату под детскую. И вот – чудо произошло… Она верила, что с появлением ребенка Онассис женится на ней, – ведь он так любит детей.

– Мария, я счастлив, что у нас будет ребенок, – сказал он, – но пойми, у нас очень сложное положение. Я женат, ты замужем. Пройдет еще много времени, возможно, несколько лет, прежде чем ты сможешь получить греческое гражданство и развестись с Менегини. Неужели мы допустим, чтобы наш ребенок – ребенок самых известных людей в мире – был незаконорожденным? Мне шестьдесят четыре года, я уже немолод, я не смогу быть полноценным отцом. Кроме того, у меня есть двое детей, я должен посоветоваться с ними…

Драгоценное ожерелье из жемчуга и бриллиантов навсегда осталось для Марии памятью об операции, которую ей пришлось перенести в одной из парижских клиник. Аборт не прошел так гладко, как это обещал врач, Марию едва удалось спасти. Верная Вруна не отходила от нее ни на минуту. Онассис ни разу не показался в больнице, он оставался в Монако, где у него проходили сложные переговоры с правителем княжества Ренье. В результате длительных тяжб Онассис потерял финансовый контроль над Монако. Для него это был ощутимый удар, который он очень переживал.

«Он потерял Монако, а я потеряла единственный шанс стать матерью, – говорила впоследствии Мария, – это несравнимо».

Прошло почти два года, прежде чем Каллас вернулась на сцену, в 1964 году она подписала контракт на восемь спектаклей оперы Беллини «Norma». Знаменитый режиссер Франко Дзефирелли, известный своим размахом, неординарным видением, осуществил свое давнее желание работать с Марией

Каллас в парижской Grand Opera.

Каллас никогда не уставала от Нормы, она пела ее восемьдесят раз, и всякий раз это был истинный триумф. Уже в первой арии, известной под названием Costa Diva, которая вобрала в себя главную мысль оперы, раскрывается весь сюжет.

В этой арии жрица лесного племени друидов Норма взывает к богам, которые должны укрепить ее народ в борьбе с римлянами. Но она признается, что не может желать гибели своих врагов: римский консул Поллион – ее тайный возлюбленный и отец ее детей. Узнав о его измене, о том, что он полюбил другую, Норма решает отомстить ему, убив своих сыновей… Но затем она осознает глубину своего греха и восходит на жертвенный костер, лишая себя жизни. Внутренняя борьба, которую переживает Норма, победа в ее душе высокого над низким, небесного над земным составляет пафос и смысл этой драмы.

Франко Дзефирелли говорил, что работа с Каллас над ролью принесла ему огромную творческую радость:

«У меня до сих пор перед глазами сцена, когда Норма обнаруживает, что Поллион предал ее, и она собирается убить своих сыновей, чтобы отомстить ему. Для большей выразительности я избрал темные тона. В одном углу сцены был лес и подобие грота, отгороженное темным тканым занавесом. Здесь, на меховых подстилках, прятались ее дети. Мария, одетая в темно-фиолетовое платье из египетского шелка, отдергивала занавес. Тень ее фигуры ложилась на спящих детей. Мария делала шаг к детям, затем назад, руки ее беспомощно метались, выражая невыносимую боль. Потом она бросалась вперед, будто бы решившись на убийство – и тут занесенная над детьми рука с кинжалом бессильно падала. Материнская любовь одерживала верх над ревностью – Мария плакала и обнимала детей. Это было потрясающе.

Мария мало общалась с детьми на репетициях. Но на премьере она была с ними невыносимо нежна, как настоящая мать. Господи, как горько, что у нее не было детей».

Онассис не смог быть на премьере и прибыл на четвертое представление, которое состоялось 6 июня. В тот вечер в зале Гранд-опера было много знаменитостей. Чарльз и Уна Чаплин, Бегум Ага-Хан, Жан-Поль Бельмондо, Жерар Филип, Жан Маре и Катрин Денев, – это был поистине исторический вечер.

Оркестром дирижировал знаменитый Леонард Бернстайн. Мария была на репетициях в прекрасной форме, но в тот вечер она внезапно почувствовала себя не очень хорошо. Кроме того, у нее были проблемы с верхними нотами. Леонард Бернстайн уговаривал ее транспонировать партию на пару тональностей

вниз. Он умолял ее быть благоразумной и согласиться – все равно большая часть публики этого не заметит. Но она категорически отказалась: «Каллас должна петь партитуру так, как она написана, даже если это будет грозить крахом карьеры». И вот в тот вечер премьерного спектакля ее голос дал сбой и сорвался на «до» третьей октавы.

Зал Гранд-опера вскрикнул от ужаса. Бернстайн рассказывал: «До сих пор помню растерянные лица музыкантов. Мария стояла на сцене совершенно белая. Минуту она смотрела в пол, потом подняла руку, прося о тишине, и затем, гордо вскинув голову, дала мне знак начать сначала. Она пела второй раз тот же пассаж, и на этот раз все получилось. Я слышал, как в зале всхлипывали люди. Я сам не мог сдержать слезы. Какое фантастическое мужество. Фантастическое! В этом вся Каллас».

Зал поднялся, аплодируя поступку певицы. Онассис потом говорил ей: «Я горжусь тобой, я увидел тебя в новом свете». К ее огромной радости он сказал, что хочет провести с ней месяц на борту «Кристины». Мария была счастлива, опять блеснула надежда.

Она заказала себе новый летний гардероб – легкие светлые наряды из развевающихся тканей. Каллас, великая Каллас делала все, чтобы нравиться Онассису, этому «мошеннику, грубому греку», как называли его в прессе. Среди гостей, которых они пригласили на борт яхты, были самые близкие люди: Франко Дзефирелли, Коста Гратцос, старинный друг и помощник Аристотеля, банкир и крупный бизнесмен Панагис Верготти, были и дети Онассиса – Александр с Кристиной.

Теплые августовские вечера, роскошная яхта, прогулки вдвоем под луной – все было как прежде. Были сиреневые рассветы и пурпурные закаты солнца, Мария пила из ладоней Онассиса горькое греческое вино…

«Это был наш медовый месяц», – скажет впоследствии Мария. Надежда все еще не покидала ее, она верила, что настанет тот счастливый миг, когда они объединят судьбы.

Но, увы… ее надеждам не суждено было сбыться. Она, понимая это, – ведь Ари все больше отдалялся от нее, – боялась признаться себе в этом. Он ей говорил, что увлечен делами, управлением своей империей, но, как все чаще доносила пресса, был занят тем, что встречался с самой известной женщиной в мире – вдовой президента Кеннеди Жаклин.

Их повсюду видели вдвоем – они обедали в самых модных ресторанах: «El Moroccо» и «21», в греческих ресторанах, где раньше всегда бывали Мария и Ари, в парижском ресторане Maxim, столь любимом Марией. Американцы не одобряли этот союз: их любимая Первая леди Жаклин Кеннеди должна быть выше подозрений, иметь безупречную репутацию. Онассис с его миллионами сомнительного происхождения не был для нее достойной партией. Таково было общественное мнение, но оба – Жаклин и Аристотель – решили свою судьбу иначе.

«Поверь мне – это чисто деловой брак, мне Джеки нужна. Я люблю и буду любить только тебя», – говорил Онассис Марии. Она молча слушала, не совсем понимая то, что он пытался ей объяснить. Онассис нервно ходил по комнате, курил одну за другой сигареты и говорил, говорил… Он сказал Марии, что не может войти на американский рынок вот уже двадцать лет из-за конфликтов с налоговой инспекцией. Жаклин введет его в клан Кеннеди, и, как только дела у него поправятся, они опять будут вместе.

– Скажу тебе больше, – продолжал он, – Джеки тоже не любит меня. Она мечтает уехать из Америки. После убийства мужа она боится за жизнь детей и свою собственную. Я обеспечу ее безопасность, у нее будет круглосуточная охрана. Я дам ей возможность жить в Европе.

Мария слушала молча. Но внутри, в ее исстрадавшейся душе, все бушевало.

«Ари, – молча взывала она к нему, – *ты отрекся от меня, от нашей огромной любви. Ты знаешь, ты видел, как толпы людей сходят сума, слушаямое пение. Наверное они понимали, что когда я пою «Норму», я пою о себе. Порой мне кажется, что моя жизнь повторяет ее скорбную судьбу. Ари, я так же, как и она, не жила, а служила Великой Любви. И так же пожертвовала всем. Я ненавижу тебя, Ари. Ты заставил меня убить зародившуюся во мне жизнь. Если бы он родился, ты бы не ушел к Жаклин. Даже если бы ушел, он остался бы со мной. Я проклинаю тебя, Аристотель Онассис. Боги, наши греческие боги отомстят за меня».*

…Она ничего не ответила. Они расстались молча. Потом случилось страшное: попытка самоубийства – Мария выпила огромную дозу снотворного, ее с трудом вернули к жизни. Но главное – она начала терять свое бесценное сокровище, данное ей свыше – Голос. Она мысленно обращалась к тому, кто принес ей столько страданий:

«Тыне верил, что я могу умереть от любви. Знай же: я умерла. Мир оглох. Я больше не могу петь. Мое горло онемело. Я не знала, что этот дар так хрупок, что он не может вынести испытаний. Ты уничтожил мой голос так же, как уничтожил меня. Будь проклят тот день, когда ты пригласил меня и Менегини на яхту. И то мгновение, когда ты, перелив мое шампанское в свой бокал, выпил его до дна со словами: «Вот судьба великой Каллас».

Она была безутешна, полностью отгородилась от мира. Плотные шторы ее окон всегда были наглухо закрыты, жадные до сенсаций папарацци пытались проникнуть повсюду. «Как можно быть столь жестоким? Как можно так предать меня, зная, что я осталась совсем одна: без семьи, без ребенка, без друзей». Она не читала газет, не говорила ни с кем по телефону. Она закрылась в спальне, два маленьких пуделя, которых ей подарил Онассис, находились с ней неотлучно. Бруна деликатно стучала в дверь, умоляла открыть, но нет, Мария оставалась в добровольном заточении. Уже в который раз она переслушивала свои записи, мысленно возвращаясь в те дни, когда ее голос властвовал над толпами восхищенных поклонников. Она обращалась к Онассису в письмах, которые никогда не отослала, изливала свою израненную душу.

«Ари, на свете нет ничего прекраснее минуты, когда я должна была начинать петь. Я чувствовала, что толпы людей ждут этого с той же страстью, что и я. Клянусь, это было сильнее нашей сумасшедшей любви в волнах Эгейского моря. Они, Ари, желали меня всегда, даже тогда, когда ты отрекся от меня. Если бы ты что-то смыслил в великом искусстве, которое называется «театр», ты бы понял, что такое свести с ума двадцать пять тысяч зрителей за один вечер. Они слушали меня, затаив дыхание, а потом раздавался гром аплодисментов, гул голосов. Я не различала лиц в зале – я плохо вижу, но я слышала восторженные возгласы. Сейчас у меня нет и этого…»

Второго декабря, на 45-й день рождения Марии, почта доставила ей небольшой пакет. В нем были изящные часы фирмы «Картье», которые стояли на ее ночном столике в спальне на яхте «Кристина». Это был отзвук той, прежней жизни, к которой уже не было возврата. Мария отослала их назад Онассису, не написав ни единой строчки.

МЕСТЬ БОГОВ

Брак Онассиса, на который он возлагал столько надежд, обернулся полной катастрофой. Жаклин, которая была так нежна и заботлива до свадьбы, резко изменила свое отношение к «Греку» после завершения свадебной церемонии.

«Они замечательно подходили друг другу, – заметил сын Онассиса Александр, – отец коллекционировал знаменитостей, она – деньги». Первые годы после смерти президента Джеки исправно исполняла роль всенародной вдовы, получив прозвище «Святая». И когда в октябрьский день 1968 года вдруг оказалось, что она сочеталась законным браком с Онассисом, этим человеком с репутацией международного гангстера, ее образ был разрушен, этот брак вызывал гнев и презрение. «Джек Кеннеди умер во второй раз, мы больше не видим нимба у нее над головой», – писали газеты, упрекая вдову убитого президента в расчетливости, в том, что она решила воспользоваться капиталами Онассиса.

Это была самая неудачная любовная связь и в жизни стареющего Ари. «Джеки О», так прозвали ее, будто бы стесняясь полностью назвать ее новую фамилию, не была супругой в надлежащем смысле слова. Она хорошо справлялась лишь с одной функцией – растратой его капиталов. Онассис это понял почти сразу же и, недоумевая, для чего ей нужны горы нарядов от модных кутюрье и украшений от Van Cleef and Arpels, в гневе проронил, что в последнее время не видел на ней ничего кроме старой майки и потрепанных джинсов.

Жаклин и Онассис стали чужими друг другу спустя всего лишь пять месяцев со дня свадьбы. Они редко бывали вместе – Жаклин проводила большую часть времени в Европе, Онассис – на острове Скорпиос, который стал его любимым детищем. Он затеял там огромное строительство, большие аграрные работы. Джеки бездумно тратила деньги Онассиса. За неполных четыре месяца ей удалось истратить семь миллионов долларов, она полностью изменила интерьер яхты «Кристина». Даже столь любимые Онассисом и Марией розы были изгнаны из этого рая, их заменили другие цветы.

Онассис не разрешил ей лишь прикасаться к своему любимому острову Скорпиос, который он буквально возрождал из пустоты, это было его царство. «Она относится ко мне, как к насосу, из которого можно все время качать деньги, нужно только хорошенько нажать», – говорил он.

Ему недоставало Марии, ее тепла, ее преданности. Не

выдержав долгой разлуки, он спустя несколько месяцев после свадьбы приехал к парижскому дому Марии. Бруна, служанка и верный друг Каллас, рассказывала впоследствии: «*Синьор Онассис раскаялся в своей измене и пришел просить у синьоры прощения. Она не разрешила ему вернуться, хотя страшно переживала из-за случившегося. Синьор Онассис начал свистеть под нашими окнами арии из опер и кидать в окно маленькие камушки. Синьора стояла за занавеской и плакала. Но когда он позвонил в дверь, она отказалась открыть*».

Но наступил день, когда Каллас открыла дверь Онассису. Это было радостное воссоединение двух любящих людей. Оба немолодые, пережившие так много, они были счастливы вновь обрести друг друга.

Онассис очень постарел, его волосы цвета воронова крыла прошили серебряные пряди. А главное – исчез его боевой дух, дух победителя. Дети, Александр и Кристина, доставляли ему много хлопот и огорчений. У обоих не ладилась личная жизнь. В 20 лет Кристина вышла замуж за Джо Болкера, богатого риелтора из Беверли-Хиллз, который был старше ее на двадцать восемь лет, у Александра несколько лет длился роман с женщиной, которая была намного старше его – баронессой Фионой Тайсен.

Именно в то время, в начале 70-х, Онассис нуждался в преданном близком человеке, в наследнике его империи. Александр, его единственный сын, был бы лучшим кандидатом. Но, увы, их отношения были довольно сложными, они были далеки друг от друга. Страстью Александра были машины, самолеты. Он планировал в будущем стать авиаконструктором.

Судьбе было угодно распорядиться иначе… Понедельник 22 января 1973 года был ясным и солнечным. Александр со вторым пилотом вылетел на отцовском самолете из Афин на один из греческих островов. Это был обычный рейс, который он совершал многократно. Однако через несколько секунд случилось непоправимое – самолет, находясь на высоте 30 метров, сделав крутой вираж, врезался в землю.

Когда прибыла команда спасателей, было ясно, что Александра спасти не удастся – он получил столь тяжкие ранения, что его можно было опознать лишь по монограмме носового платка.

После серии сложнейших операций Онассис выписал лучших нейрохирургов. Но, увы, не осталось ни малейших шансов на спасение 25-летнего Александра. Он скончался в госпитале 23 января в 6.55 вечера. У его постели неотлучно находились Аристотель, Кристина, Фиона. Онассис был безутешен. Он был уверен, что смерть сына не была случайной – это, по его мнению,

были козни его врагов, самым главным из которых был его постоянный враг и соперник судовладелец Ставрос Ниархос.

Мария больше всего хотела быть рядом с Ари в это тяжелое для него время, но ей передали, что ее присутствие на похоронах нежелательно. Онассис похоронил сына на острове Скорпиос. Он не мог найти себе покоя, и, поседевший от горя, не покидал борт «Кристины», ставшей его домом.

Яхта бороздила моря подобно «Летучему Голландцу» из вагнеровской оперы. «В какой-то момент деньги становятся бессмысленными, – говорил Онассис, – они перестают быть целью. Ценна лишь игра». Утратив цель, он перестал быть удачливым бизнесменом, стал катастрофически терять огромные деньги. Лишь в первый год брака с Джеки он потерял сорок миллионов долларов.

Воистину, боги обрушили свой гнев на него, некогда могущественного магната. Мария не простила ему предательства. Она прокляла его, и проклятие сбылось.

Трагическая судьба постигла всех, кто был рядом с ним. Его первая жена Тина, которая вышла замуж за злейшего врага Онассиса Ставроса Ниархоса, была несчастлива в браке. Ее постигла участь сестры Евгении, первой жены Ниархоса – обе умерли при странных обстоятельствах. Вскрытие констатировало передозировку снотворного.

Кристина, которая ненавидела Джеки, называя ее «черной вдовой», тоже несколько раз пыталась покончить с собой.

Онассис пробовал найти забвение в объятиях Марии, но… время нанесло непоправимые удары, он был неизлечимо болен и, спустя год после смерти Тины, скончался в 1975 году.

…Она была рядом с ним в последние минуты его жизни. Джеки уехала на горный курорт кататься на лыжах, была вне зоны досягаемости. Сестра Онассиса, Артемис, позвонила Марии и сказала, что она может прийти в госпиталь, сказать последнее «прости».

Их оставили наедине друг с другом. Онассис был без сознания. Она держала его руку, целовала ее и говорила: «Ари, открой глаза, это я, Мария, твоя канарейка». В какую-то минуту показалось, что его веки дрогнули. Она прошептала, что любит его и будет любить всегда. Потом сказала что-то по-гречески и тихо вышла из комнаты…

PRIMA DONNA ASSOLUTA FOREVER

Это великое звание Первой Дамы Оперы осталось навсегда за Марией Каллас. Можно многое добавить к рассказу о ее жизни. О том, с каким блеском она проводила многочисленные мастер-классы во многих столицах мира, с каким триумфом выступала на оперных сценах. Побывала она и на гастролях в Советском Союзе.

Ее последним значительным воплощением образа Медеи был фильм великого итальянского режиссера Паоло Пазолини. Каллас работала самозабвенно, не играя, а проживая жизнь Медеи, которая стала ее alter ego – вторым «я».

Тот, кто по-настоящему заинтересуется ее творчеством, обязательно разыщет записи ее оперных партий, услышит ее глубокий, полный драматизма Голос.

…Она пережила Онассиса всего на два года. Кириос Мутсатсос, ее последний секретарь, вспоминает: «…В июне 1977 года Мария попросила меня организовать поездку на могилу Аристотеля Онассиса. 17 сентября мы с Марией прилетели на остров Скорпиос, где находился фамильный склеп семьи Онассис. Каллас прибыла на остров в непроницаемых черных очках с букетом белых роз в руках. Когда мы подошли к склепу, она мне сказала: «Оставьте меня, я хочу попрощаться с ним наедине». Она пробыла в склепе около получаса. Лишь в самолете она сняла очки, посмотрела на меня глазами полными слез и сказала: «Вы знаете, у нас с Ари ничего не было в этом мире, кроме друг друга. Мы с ним были всего три года, но этого хватило на всю жизнь». После долгой паузы она добавила: «Ничего. Осталось недолго. Скоро мы с ним встретимся». Она скончалась ровно через три месяца после нашей поездки».

Каждый год в Афинах, в огромном античном театре Герода Антика проводится гала-концерт оперных звезд всего мира, посвященный Марии Каллас. В греческой столице регулярно проходит престижный международный конкурс, в котором принимают участие оперные звезды более 20 стран мира. Он также посвящен памяти великой певицы.

Министерство культуры Греции объявило 2007 год годом памяти Марии Каллас. Ей принадлежит титул LA DIVINA – БОЖЕСТВЕННАЯ. Она навсегда осталась в истории музыки Абсолютной Примадонной – PRIMA DONNA ASSOLUTA FOR EVER.

Другие книги серии «Лики великих»

«Жизнь в борьбе и фресках. Бен Шан»
«Русская муза парижской богемы. Маревна»
«Виртуоз от Бога. Исаак Стерн»
«Загадка доктора Барнса. Доктор Альберт Барнс»
«История великих коллекций. Пегги Гуггенхейм»
«Династия филантропов. Мозес и Уолтер Анненберг»
«Творец за дирижерским пультом. Леонард Бернстайн»
«Его называли «живой легендой». Владимир Горовиц»
«Еврейский певец негритянского народа. Джордж Гершвин»
«Он песней восславил Америку. Ирвинг Берлин»
«Его скрипка плакала и пела. Иегуди Менухин»
«Король джаза. Бенни Гудмен»
«Великий скиталец – покоритель звуков. Артур Рубинштейн»
«Еврей из Витебска – гордость Франции. Марк Шагал»
«Из Смиловичей в парижские салоны. Хаим Сутин»
«В граните и в бронзе. Яков Эпштейн»
«Прометей, убивающий коршуна. Жак Липшиц»
«Первая леди американской скульптуры. Луис Невелсон»
«Пластика ожившего дерева. Леонард Баскин»
«Путь к славе и гибели. Марк Роцко»
«Из туземных хижин в музеи мира. Морис Стерн»
«Певец земли израильской. Рейвен Рубин»
«Мастер пластики и его Маргарита. Уильям Зорач»
«Великий портретист из Ливорно. Амадео Модильяни»
«Музыка, воплощенная в камне. Эрик Мендельсон»
«Последний импрессарио. Сол Юрок»
«Великий шоумен из маленького штеттл. Эл Джолсон»
«Шоу, любовь и… сигары. Джордж Барнс»
«И жизнь, и песни, и любовь… Эдди Фишер»

Об авторах

Елена Аркадьевна Мищенко *– профессиональный журналист, долгие годы работала на Гостелерадио Украины. С 1992 года живет в США. Окончила аспирантуру La Salle University, Philadelphia. Имеет ученую степень Магистр – Master of Art in European Culture.*

Александр Яковлевич Штейнберг *– архитектор-художник, Академик Украинской Академии архитектуры. По его проектам было построено большое количество жилых и общественных зданий в Украине. Имеет 28 премий на конкурсах, в том числе первую премию за проект мемориала в Бабьем Яру, 1967 год. С 1992 года живет в США, работает как художник-живописец. Принял участие в 28 выставках, из них 16 персональных.*

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2016
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»